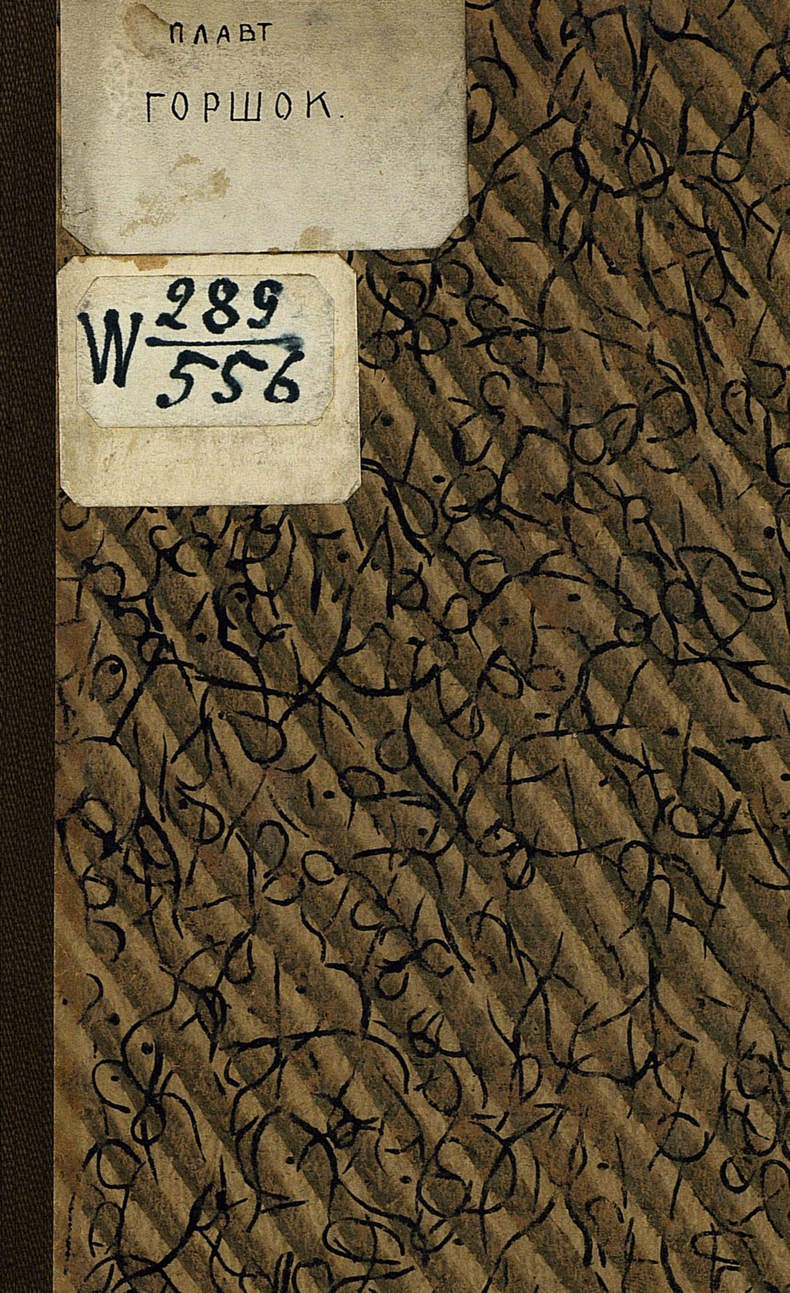
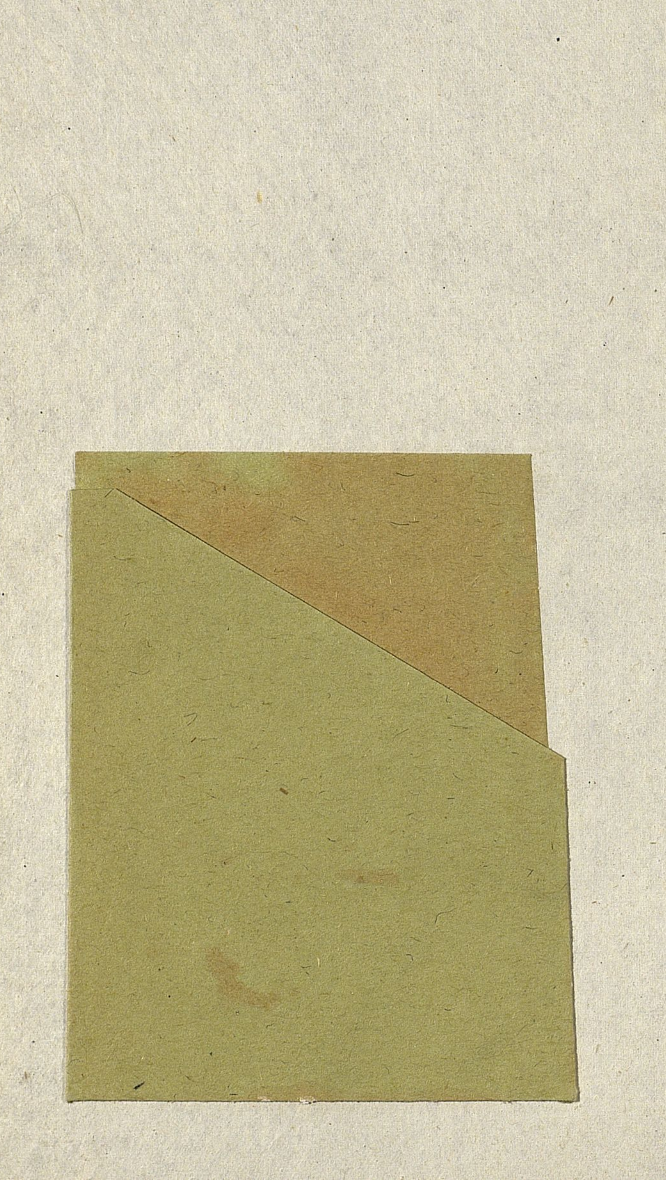

ПЛАВТ
ГОРШОК.

ТИТА МАКЦІЯ ПЛАВТА

ГОРШОКЪ

AULULARIA

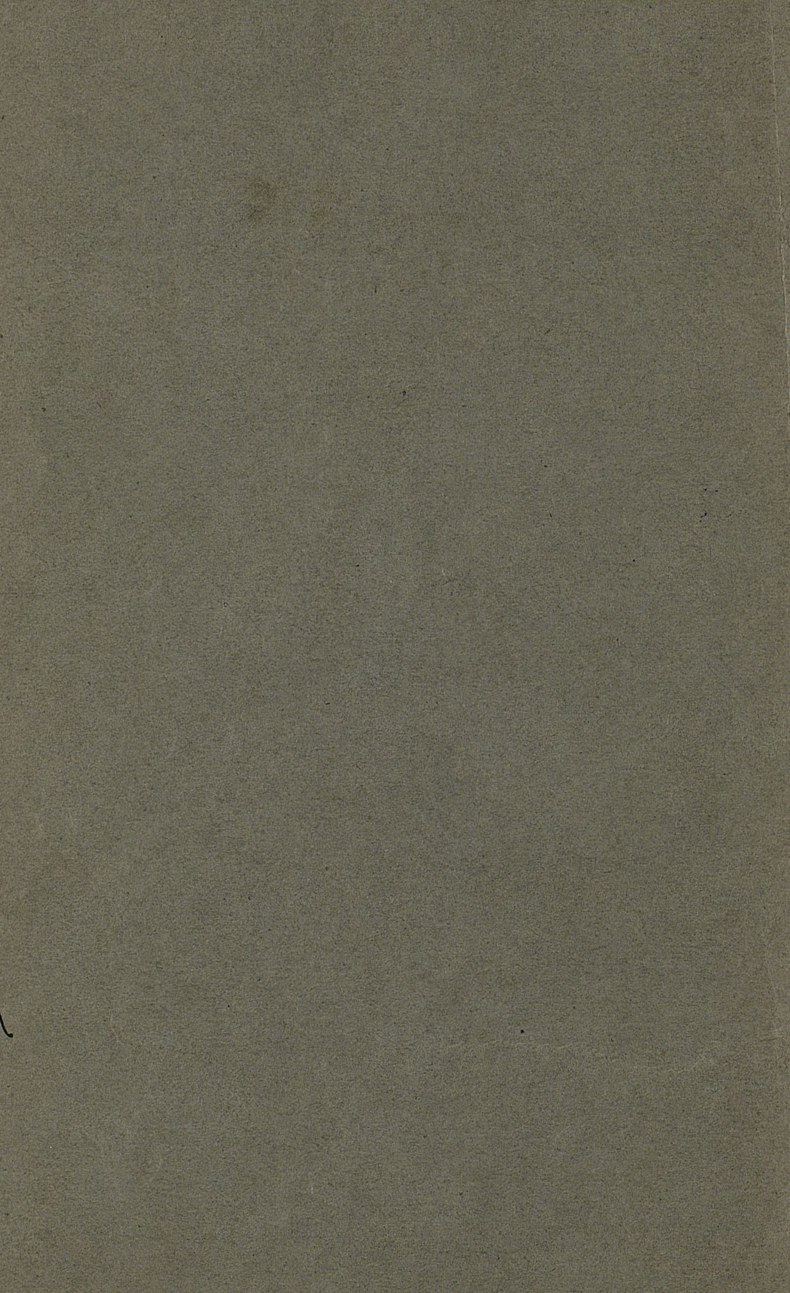
—

ПЕРЕВОДЪ

А. ФЕТА

МОСКВА. 1891

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

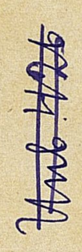

ТИТА МАКЦІЯ ПЛАВТА

ГОРШОКЪ

AULULARIA

—

ПЕРЕВОДЪ

А. ФЕТА

МОСКВА. 1891

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

Дозволено цензурою. Москва, 1 декабря 1890 года

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чтобы забѣжать въ глаза читателю, способному пройти безъ всякаго вниманія мимо предисловія, постараемся отвѣтить на слышанный нами не разъ вопросъ, почему мы перевели столь древнюю комедію, какъ *Горшокъ,* грибоѣдовскимъ размѣромъ съ риѳмами? Рискуя надоѣсть повтореніемъ нашего воззрѣнія на переводы, скажемъ, что и въ настоящемъ случаѣ строго держались тѣхъ же мнѣній. Мы убѣждены, что сочиненіе, написанное стихами, теряетъ свою физіономію и запахъ въ прозаическомъ переводѣ. Тамъ, гдѣ передавать подлинникъ возможно античными стихами, получившими у насъ гражданство, съ легкой руки Гнѣдича и подъ изящнымъ перомъ Жуковскаго и Пушкина, переводъ другимъ размѣромъ или даже съ риѳмами есть не только искаженіе, но совершенное непониманіе дѣла. Но тамъ, гдѣ у поэта стихъ окрыленъ, какъ у Плавта, размѣромъ, которому мы не только не въ силахъ подражать, но даже споримъ о законахъ движенія этого стиха, спасти дѣло (на наши глаза) можетъ лишь современная риѳма, внося то движеніе, которое бы окончательно утратилось при попыткѣ перевода невозможнымъ у насъ размѣромъ.

Около 224 г. до Р. Хр. въ городѣ Сарсинѣ, въ Умбріи, родился въ незнатномъ семействѣ мальчикъ, которому суждено было наполнить Италію своей славой и, придавая блескъ Римской литературѣ, увеселять тріумфальныя празднества Марцелловъ и Сципіоновъ. Подробности жизни *Тита Макція Плавта* намъ мало извѣстны; мы знаемъ только, что большая часть его комедій была играна въ Римѣ около конца Второй Пунической войны. Подобно Шекспиру и Мольеру, онъ самъ былъ актеромъ въ собственныхъ произведеніяхъ Разбогатѣвъ при ихъ помощи, онъ пустился въ торговлю. При этомъ онъ потерялъ все состояніе, пріобрѣтенное блестящимъ дарованіемъ и, дойдя до нищеты, былъ вынужденъ, по словамъ Варрона, вертѣть жерновъ у хлѣбника. Но дарованіе, диктовавшее ему въ свободныя минуты новыя комедіи, выручило его изъ бѣды и возвратило ему прежнее довольство и славу.

Смерть Плавта съ большой вѣроятностью относятъ къ 184 г. до Р. Хр., въ годъ консульства Клавдія Пульхера и Порція. Въ это время поэту могло быть 40 лѣтъ. Но упоминаніе Плавта Цицерономъ въ его разсужденіи (о Старости XIV) указываетъ на преклонныя лѣта Плавта. По соображенію этого обстоятельства, пришлось бы перенести время рожденія поэта раньше 224 г. до Р. Хр.

Плавтъ былъ чрезвычайно плодовитъ, и ему приписывали до 120-ти произведеній, между которыми несомнѣнно признаны только 23. Среди дошедшихъ до насъ 20-ти, *Горшокъ* (Aulularia), изъ котораго Мольеръ почерпнулъ своего *Скупаго*, выдается всѣми блестящими качествами

поэта. Можно съ достовѣрностью сказать, что большая часть комедій Плавта—подражанія, если не переводы греческихъ комедій Дифила, Демофила, Филемона и Эпихарма:

Плавтъ съ успѣхомъ идетъ Сикулійцу вослѣдъ Эпихарму.
(Горац. К. II. Посл. I, 58.)

Нуждаясь въ снисхожденіи читателя по поводу простонародныхъ реченій и оборотовъ, встрѣчающихся не только въ нашемъ переводѣ Плавта, но и въ образцовой стихотворной комедіи „Горе отъ ума“, мы вынуждены напомнить, что Плавтъ не стѣснялся выраженіями, не прошедшими чрезъ школу грамматиковъ и риторовъ, а подхваченными на рынкѣ. Такія выраженія рядомъ съ небрежностью размѣра приводили, уже черезъ 200 лѣтъ, изящнаго Горація въ негодованіе, и въ посланіи къ Пизонамъ онъ говоритъ:

Прадѣды наши однакожъ въ стихахъ у Плавта хвалили
Соль и пѣвучесть: дѣйствительно то и другое хвалили
По снисхожденію, чтобы не сказать по глупости, если
Я, какъ и вы, различаемъ забавную шутку отъ грубой;
Также правильный стихъ и по пальцамъ сочтешь, и услышишь.
(Ст. 270—274).

Хотя въ наше время, съ легкой руки Золя, вошло въ моду не стѣсняться въ литературныхъ произведеніяхъ выраженіями, не употребительными въ обществѣ и тѣмъ болѣе женскомъ, тѣмъ не менѣе мы держались въ нашемъ

переводѣ классическаго изданія Ноэля, въ которомъ стихи съ наиболѣе крупною площадною солью выпущены. Комедія, намъ кажется, отъ этого не пострадала.—Прологъ, произносимый домашнимъ Ларомъ, вводитъ зрителя въ самую середину событія и въ немногихъ словахъ избавляетъ насъ отъ необходимости излагать содержаніе комедіи. Къ несчастію, конецъ пятаго акта комедіи Плавта затерянъ, а ходъ повѣсти останавливается на томъ, что молодой Ликонидъ принуждаетъ слугу своего Стробила принести похищенный горшокъ съ деньгами для возвращенія скупому Эвкліону, и послѣднимъ оригинальнымъ стихомъ Стробила:

Хоть убей, а все же не открою.

Томясь, подобно намъ, чувствомъ неоконченности, грамматикъ XV вѣка Кодръ Урцей присочинилъ 119 стиховъ для полнѣйшей развязки комедіи. Ноній Марцеллъ, латинскій грамматикъ III вѣка приводитъ слѣдующія будто бы оригинальныя двустишія Плавта изъ Горшка:

Nec noctu, nec diu quietus unquam eram: nunc dormiam.
Ego affodiebam in die denos scrobes.
Ни днемъ, ни ночью я не зналъ покоя; нынѣ
Спать буду; зарывалъ я на день десять ямъ.

По этимъ двумъ стихамъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и Урцей, пришли къ заключенію, что Эвкліонъ, получившій отъ Ликонида обратно горшокъ, отдаетъ за него свою дочь и, передавши за нею горшокъ въ приданое, навсегда

успокоивается въ домѣ зятя. Ноэль старается объяснить такую неожиданную перемѣну въ Плавтовскомъ Эвкліонѣ по сравненію съ Гарпагономъ Мольера тѣмъ, что Гарпагонъ скупецъ отъ природы и остается такимъ до конца, не взирая на свое богатство, тогда какъ Плавтовъ Эвкліонъ, исконный бѣднякъ, совершенно сбитъ съ толку попавшимъ ему въ руки кладомъ. Онъ только трепещетъ впасть въ прежнюю нищету и радъ развязаться съ горшкомъ въ виду обезпеченной жизни у зятя. Но вопервыхъ, для такого предположенія необходимо признать подлинность приведенныхъ стиховъ Марцелла, а вовторыхъ, всѣ страстныя продѣлки Эвкліона едва ли могутъ быть приписаны человѣку, не ослѣпленному скупостью. Поэтому, держась текста Кодра Урцея, мы позволили себѣ вмѣсто стиховъ 105 и 106-го:

Дарю тебѣ горшокъ; познай любовь мою,
И вмѣстѣ съ нимъ и дочь тебѣ я отдаю.

— предложить слѣдующіе:

И какъ умру, горшокъ тебѣ я откажу,
А дочерью своей теперь же награжу.

Принять или не принять нашу поправку зависитъ отъ читателя.

ГОРШОКЪ

AULULARIA.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

1. Ларъ, прологъ.
2. Эвкліонъ, старикъ.
3. Стафила, его служанка, старуха.
4. Эвномія, сестра Мегадора
5. Мегадоръ, старикъ, дядя Ликонида.
6. Стробилъ, слуга обоихъ, т. е. слуга Мегадора и Ликонида.
7. Антраксъ, поваръ.
8. Конгріонъ, поваръ.
9. Ликонидъ, племянникъ Мегадора.
10. Питодикъ, слуга Мегадора.

ПРОЛОГЪ.

Семейный ларъ [1]).

Чтобъ не искалъ иной — кто я, скажу любому
Сейчасъ. Семейный ларъ изъ этого я дому,
Откуда видѣли, что вышелъ я. Сей домъ
Ужъ много лѣтъ храню я въ вѣдѣньи моемъ,
Отцу и дѣду я хозяина былъ преданъ.
Но дѣдомъ мнѣ его былъ втайнѣ заповѣданъ
Кладъ золотой; его онъ подъ алтарь зарылъ
И умолялъ меня, чтобъ я его хранилъ.
Когда же умиралъ (такъ онъ въ душѣ скупился),
Что сыну своему открыться не рѣшился,
Скорѣй покинуть онъ его былъ нищимъ радъ,
Чѣмъ сыну указать запрятанный тотъ кладъ.

---

1) *Ларъ*, богъ домашняго очага. Поклоненіе ларамъ восходитъ до глубокой древности. Ихъ почти смѣшивали съ душами родоначальниковъ дома, становившимися его покровителями. Въ прологѣ, произносимомъ самимъ домашнимъ ларомъ, излагается происхожденіе и судьба горшка съ золотомъ, а равно и планъ предстоящей комедіи.

Оставилъ онъ ему лишь небольшое поле,
Чтобъ могъ съ большимъ трудомъ прожить онъ въ скудной долѣ.
Когда же умеръ тотъ, кто злато мнѣ вручилъ,
Я началъ ожидать, чтобъ сынъ меня почтилъ
Поболѣе того, чѣмъ почиталъ покойный.
Но этотъ менѣе да менѣе достойной
Заботою меня и честью окружалъ.
Я тѣмъ же отвѣчалъ: и этотъ вѣкъ скончалъ.
И сына, что теперь живетъ тутъ, тѣхъ же правилъ,
Какъ былъ отецъ и дѣдъ, онъ по себѣ оставилъ.
Дочь у него одна; мнѣ каждый день она
Чего либо подастъ: куренья иль вина,
Приноситъ мнѣ вѣнковъ. Я для нея старался,
Чтобъ Эвкліону кладъ нечаянно напался,
И замужъ онъ ее могъ легче сдать безъ бѣдъ.
Сегодня подведу, чтобы старикъ сосѣдъ
Просилъ ея руки: меня служить ей тянетъ,
И старый, что ее просить въ замужство станетъ,
Ему племянникомъ тотъ юный Ликонидъ.
А нашъ старикъ въ дому попрежнему кричитъ;
Старуху гонитъ въ дверь, чего-бъ не подглядѣла.
На золото взглянуть, знать, хочетъ, все ли цѣло.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Эвклiонъ и Стафила.

Эвклiонъ бьетъ свою старую служанку Стафилу, которую подозрѣваетъ въ томъ, что она узнала тайну его клада.

Эвклiонъ.

Вонъ, говорю, скорѣй! Сокройся за дверями,
Клянусь, чѣмъ рыскать тутъ пытливыми глазами!

Стафила.

Но бьешь меня за что ты, жалкую?

Эвклiонъ.

Чтобы
Жалка была. Другой не стоишь ты судьбы.

Стафила.

За что же гнать меня изъ дому такъ ретиво?

Эвклiонъ.

Тебѣ-ль я дамъ отчетъ, всѣхъ лозановъ ты нива? [6])
Отъ двери отойди туда вонъ! Какъ ползетъ!

---

6) *Лозановъ ты нива.* Тѣло твое достойно представляться почвою, на которой безпрестанно сажаютъ новые прутья или розги.

Гляди! Да знаешь ли, что самое то ждетъ?
Клянусь, лишь палку я иль кнутъ схвачу рукою,
Твой черепашій шагъ какъ разъ тебѣ удвою.

Стафила (въ сторону).

Ужъ боги пусть меня повѣсятъ, такъ и быть,
Скорѣй, чѣмъ при такой судьбѣ тебѣ служить!

Эвкліонъ.

Вѣдь про себя-то какъ ворчитъ она, злодѣйка!
Клянусь, твои глаза я вырву, лиходѣйка,
Чтобъ видѣть не могла ты дѣла моего!
Назадъ! еще назадъ, назадъ, назадъ, ого!
Вотъ тутъ и стой! Клянусь, коль сдвинешься ты съ точки
На палецъ лишь одинъ, на кончикъ въ ноготочкѣ,
Или оглянешься, пока не кликну самъ:
Клянусь, сейчасъ тебя повѣсить я отдамъ
Преступнѣе ея старухи я, признаюсь,
Еще не видывалъ и крайне опасаюсь,
Что кознями меня, глупца, перехитритъ
И вдругъ расчухаетъ, гдѣ золото лежитъ;
Вѣдь на затылкѣ есть глаза у этой гадкой.
Пойду и золото провѣрю я украдкой;
Несчастный я надъ нимъ самъ истерзался весь.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Стафила.

Стафила оплакиваетъ свою судьбу и жалуется на причуды своего господина.

Клянусь, я не пойму, что съ господиномъ здѣсь
Случилась за бѣда, чѣмъ онъ заболѣваетъ!
Хотѣлось бы узнать, зачѣмъ онъ выгоняетъ
Такъ изъ дому меня разъ десять въ день одинъ
Божусь, я не пойму, чѣмъ боленъ господинъ.
Всѣ ночи онъ не спитъ, а свѣтъ настанетъ бѣлый,
Какъ чеботарь хромой сидитъ въ дому день цѣлый.
И ужъ не знаю я, какъ уловчиться скрыть
Стыдъ дочери его, а ей пора родить;
Придумать не могу; но лучше той порою
Мнѣ букву длинную изобразить собою, [38])
Какъ петлю я себѣ на шею наложу.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Эвкліонъ и Стафила.

Эвкліонъ приказываетъ Стафилѣ запереть и оберегать домъ во время его отсутствія.

Эвкліонъ.

Вотъ душу облегча изъ дому выхожу,
Когда пересмотрѣлъ, что все тамъ уцѣлѣло.
Вернись теперь и тамъ все карауль.

---

38) Подразумѣвается буква *j*, которую удлинняли тамъ, гдѣ грамматика требовала двухъ *i*.

Стафила.

И дѣло!
Мнѣ караулить тамъ? Чтобъ домъ не унесли?
У насъ бы ничего и воры не нашли:
Такъ пустотою мы полны и пауками.

Эвкліонъ.

Дивлюсь, что для тебя Зевеса чудесами
Уже не царь Филиппъ или не Дарій я! [47]
Тѣхъ самыхъ пауковъ мнѣ караулъ, змѣя.
Я бѣденъ, — признаюсь. Богамъ я покоряюсь.
Войди и дверь запри! Я тотчасъ возвращаюсь.
Смотри, не пропусти ты въ домъ чужой души.
Чтобъ за огнемъ не шли, его ты потуши,
Чтобъ не было причинъ просить объ одолженьи;
Коль будетъ живъ огонь, погаснешь во мгновенье.
Воды-ль попроситъ кто, ушла, молъ, со двора;
Ножа-ли, ступки-ли, песта иль топора,
Той утвари, что всѣ сосѣди занимали,
Тверди, что воры все вчистую обокрали.
Въ мое отсутствіе не смѣй впускать ты въ домъ
Кого бы ни было; твержу лишь объ одномъ:
Фортуна приходи, впускать не смѣй рѣшиться.

Стафила.

Она сама, я чай, войти къ намъ побоится:
И близко ходитъ насъ, да въ домъ нейдетъ, гляжу.

---

[47]) *Не царь Филиппъ или не Дарій.* Богатства этихъ двухъ царей — Македонскаго и Персидскаго вошли въ Римѣ въ пословицу.

Эвклiонъ.

Молчи и въ домъ ступай.

Стафила.

Молчу и ухожу.

Эвклiонъ.

Задвинь покрѣпче дверь; вернусь сейчасъ обратно;
Что надо уходить, мнѣ страшно непрiятно.
Иду, хоть нехотя, но знаю самъ, зачѣмъ:
Начальникъ общины сказалъ сегодня всѣмъ,
Что деньги по людямъ дѣлить онъ будетъ занятъ;
Коль это брошу я и не пойду, всякъ станетъ
Подозрѣвать меня, что въ домѣ спрятанъ кладъ:
Невѣроятно вѣдь, чтобы бѣднякъ не радъ
Былъ хоть бездѣлицѣ, не жаждалъ подаянья.
Вѣдь вотъ, что я таю отъ общаго вниманья.
Всѣ знаютъ, кажется; поклоны ихъ одни
Гораздо ласковѣй, чѣмъ въ прежнiе то дни;
Подходятъ, постоятъ, жмутъ руку, вопрошаютъ,
Здоровъ ли я, дѣла какiя занимаютъ
Меня. Теперь пойду, куда я шелъ; потомъ
Какъ можно поскорѣй вернусь обратно въ домъ.

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Эвномія и Мегадоръ.

Эвномія убѣждаетъ своего брата Мегадора жениться, и тотъ объявляетъ намѣреніе просить въ замужство дочь своего сосѣда Эвкліона.

Эвномія.

Желала-бъ, братецъ, я, чтобъ ты считалъ, что слово
Мое съ сочувствіемъ служить тебѣ готово,
Какъ это у сестры должно быть каждый часъ.
Хотя извѣстно мнѣ, что и не любятъ насъ
И всѣхъ, не безъ причинъ, болтливыми считаютъ:
Пословица гласитъ: нѣмой не обрѣтаютъ
Единой женщины за цѣлыя сто лѣтъ.
Но, братецъ, обсуди единый ты предметъ:
Тебѣ всѣхъ ближе я, со мной въ родствѣ ты кровномъ,
И намъ естественно въ общеніи любовномъ
Ты мнѣ, а я тебѣ совѣты подавать;
Не слѣдъ скрываться намъ иль боязно шептаться,
Ты мнѣ, а я тебѣ должны мы открываться.

Затѣмъ я вывела тайкомъ тебя за дверь,
Чтобъ о твоемъ житьѣ поговорить теперь.

Мегадоръ.

Дай, прелесть, руку мнѣ.

Эвномія.

На прелесть что похоже?

Мегадоръ.

Ты.

Эвномія.

Точно-ль?

Мегадоръ.

Если ты заспоришь въ томъ, я тоже.

Эвномія.

Да правду говорить, — гдѣ сыщешь этотъ кладъ?
Онѣ одна другой лишь хуже, милый братъ.

Мегадоръ.

Я тоже думаю, сестра, и безъ сомнѣнья
На этотъ счетъ готовъ не дѣлать возраженья.

Эвномія.

Ты выслушай, прошу.

Мегадоръ.

Отъ сердца моего.
Вели, приказывай, коль хочешь ты чего.

Эвномія.

Въ томъ, что полезнѣйшимъ я для тебя считаю,
Чтобы подать совѣтъ, къ тебѣ я приступаю.

Мегадоръ.

Сестра, таковъ твой нравъ.

Эвномія.

Я рада угождать.

Мегадоръ.

Въ чемъ дѣло то, сестра?

Эвномія.

Тебѣ счастливымъ стать
Навѣки.

Мегадоръ.

Боги-бъ такъ устроили.

Эвномія.

А знаешь,
Женись-ка ты.

Мегадоръ

Увы! меня ты убиваешь!

Эвномія.

Чѣмъ?

Мегадоръ.

Отъ твоихъ рѣчей бѣдняжка голова
Моя трещитъ; твои бьютъ камнями слова.

Эвномія.

Эхъ, поступи вослѣдъ за сестринымъ совѣтомъ.

Мегадоръ.

Коль вздумаю, изволь.

Эвномія.

Твоя же польза въ этомъ.

Мегадоръ.

Такъ ужь пускай умру скорѣе, чѣмъ женюсь
Но если ты найдешь такую, я рѣшусь,
Чтобъ нынче ввесть ее, а завтра вынесть тѣло.
Такъ я готовъ, и пиръ заказывай ты смѣло.

Эвномія.

Съ приданымъ, братъ, большимъ отыщется жена;
Но ты уже въ лѣтахъ и среднихъ лѣтъ она.
Когда прикажешь, братъ, посватаю пока.

Мегадоръ.

Позволь спросить тебя.

Эвномія.

Спроси, о чемъ желаешь.

Мегадоръ.

Коль самъ въ годахъ, въ годахъ супругу избираешь,
И старой вдругъ судьба зачать отъ старика,
Не правда ль, слѣдуетъ Постумомъ звать сынка? [44])
Тебя, сестра, трудить не стану въ дѣлѣ шаткомъ.
По милости боговъ и предковъ я съ достаткомъ:
Богатства, важности, съ придаными дѣвицъ,
Привѣтствій, почестей, хламидъ и колесницъ
Не нужно мнѣ, отъ нихъ мужьямъ идти съ сумою.

---

44) Постумомъ—позднышкомъ.

Эвномія.

Такъ ты скажи, кого бъ ты пожелалъ женою?

Мегадоръ.

Сосѣдъ тутъ Эвкліонъ знакомъ тебѣ бѣднякъ?

Эвномія.

Старикъ онъ не плохой.

Мегадоръ.

Вступить желаю въ бракъ
Я съ дочерью его. Ты не толкуй превратно.
Бѣдна — ты скажешь мнѣ: бѣдна, но мнѣ пріятна.

Эвномія.

Богъ помощь!

Мегадоръ.

Такъ.

Эвномія.

Чего не нужно ль?

Мегадоръ.

Мой поклонъ.

Эвномія.

Прощай, братъ.

Мегадоръ.

Посмотрю, что дома ль Эвкліонъ.
Да вотъ онъ. Гдѣ онъ былъ, рѣшить я затрудняюсь.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Эвкліонъ и Мегадоръ.

Мегадоръ проситъ у Эвкліона въ замужство его дочь. Эвкліонъ соглашается съ условіемъ взять ее безъ приданаго.

Эвкліонъ.

Предчувствовалъ же я, что даромъ прослоняюсь
И не хотѣлъ идти: чиновныхъ не видать
И нѣтъ начальника, чтобъ деньги раздавать.
Домой! хоть самъ я здѣсь, но тамъ боюсь урону.

Мегадоръ.

И благъ, и здравія желаю Эвкліону.

Эвкліонъ.

Здорово, Мегадоръ.

Мегадоръ.

А ты? здоровъ пока?

Эвкліонъ.

Не спросту такъ богачъ ласкаетъ бѣдняка:
Учуя золото, онъ ласковъ такъ со мною.

Мегадоръ.

Ты, кажется, здоровъ?

Эвкліонъ.

Но право не деньгою.

Мегадоръ.

Съ душевнымъ миромъ жить ты можешь не томясь.

Эвклiонъ.

Про золото ему старуха провралась;
Отрѣжу ей языкъ, глаза расковыряю.

Мегадоръ.

Что про себя ворчишь?

Эвклiонъ.

О бѣдности вздыхаю:
Дочь безъ приданаго, и ею я стѣсненъ;
Не сбыть ея.

Мегадоръ.

Молчи, не бойся, Эвклiонъ.
Я ей готовъ помочь. Чего ей не хватаетъ?

Эвклiонъ.

Сулить сталъ, золото онъ чуетъ и глотаетъ;
Взялъ камень въ руку онъ и кажетъ хлѣбъ въ другой.
Коль съ бѣднякомъ богачъ такъ ласковъ — знакъ плохой:
Тебѣ онъ руку жметъ, но придушить не минетъ.
Полиповъ знаю я,—какъ схватитъ, ужь не кинетъ.

Мегадоръ.

Лишь малость выслушай: я, Эвклiонъ, желалъ
О дѣлѣ общемъ намъ сказать.

Эвкліонъ.

Охъ, я пропалъ!
Стянули золото мое, и онъ, толкуя,
Мириться выдумалъ; но въ домъ взглянуть бѣгу я.

Мегадоръ.

Куда жь ты?

Эвкліонъ.

Вмигъ вернусь: взглянуть бѣгу въ дому.

Мегадоръ.

Клянусь, о дочери лишь заикнусь ему,—
Онъ за насмѣшки всѣ слова мои считаетъ.
Людей опасливѣй средь бѣдныхъ не бываетъ.

Эвкліонъ.

Благодарю боговъ! Все цѣло, цѣлъ весь кладъ.
А какъ боялся я, былъ задохнуться радъ.—
Вотъ, Мегадоръ, и я, коль ждешь ты объясненья

Мегадоръ.

Спасибо! Отвѣчай, прошу, безъ раздраженья.

Эвкліонъ.

Спроси,—отвѣчу, въ чемъ мнѣ любо отвѣчать.

Мегадоръ.

Скажи, какимъ мой родъ считаешь ты?

Эвкліонъ.

Онъ знатенъ

Мегадоръ.

А честность?

Эвклiонъ.

Хороша.

Мегадоръ.

Дѣла?

Эвклiонъ.

Они безъ пятенъ.

Мегадоръ.

Лѣта ты знаешь ли?

Эвклiонъ.

Лѣтъ много, денегъ тожъ.

Мегадоръ.

По моему, и ты на честнаго похожъ.
Такъ я всегда считалъ.

Эвклiонъ.

Онъ золото заслышалъ.
Чего же хочешь ты?

Мегадоръ.

Сойтись намъ случай вышелъ,
Чтобъ было хорошо тебѣ и мнѣ, и ей.
Дочь выдать за меня ты обѣщай смѣлѣй.

Эвклiонъ.

Ахъ, Мегадоръ, въ твоемъ быту плохое дѣло
Надъ честнымъ бѣднякомъ такъ издѣваться смѣло:
Ни словъ ни дѣлъ моихъ тебѣ обидныхъ нѣтъ.

Мегадоръ.

Не издѣваюсь я, и дѣлать такъ не слѣдъ.

Эвкліонъ.

Зачѣмъ же просишь дочь мою назвать своею?

Мегадоръ

Чтобъ лучше жить тебѣ и мнѣ, и всѣмъ намъ съ нею.

Эвкліонъ.

Я вспомнилъ, Мегадоръ, богатъ ты, знатенъ такъ,
А я, я человѣкъ изъ бѣдняковъ бѣднякъ;
И думаю: какъ дочь отдать тебѣ бѣдняжку?
Ты волъ, а я оселъ, гдѣ жь намъ пойти въ запряжку?
Какъ тяжесть мнѣ дѣлить, свалюсь я въ грязь, оселъ,
Живу ль на свѣтѣ я, ты и не спросишь, волъ;
Сердиться станешь ты, а свой мнѣ насмѣется;
Я стойла не найду, когда разладъ начнется:
Ослы начнутъ кусать, волы рогами бить.
Бѣда мнѣ отъ ословъ къ воламъ переходить.

Мегадоръ.

Какъ съ честнымъ сблизишься для дружества большаго,
Отлично будетъ. Ты послушайся, дай слово,
И мнѣ ее отдай.

Эвкліонъ.

Дать нечего за ней

Мегадоръ.

Не нужно. Честь ея приданаго цѣннѣй.

Эвкліонъ.

Твержу, не думай ты, что кладъ сыскалъ я малый.

Мегадоръ.

Я знаю: не толкуй. Отдай ее.

Эвклiонъ.

Пожалуй!
Знать, я пропалъ?

Мегадоръ

Что тамъ?

Эвклiонъ.

Желѣза словно звонъ.

Мегадоръ.

То садъ я взрыть велѣлъ. Куда жь дѣвался онъ?
Ушелъ и не далъ мнѣ отвѣта: презираетъ
Меня, что льну къ нему; какъ у людей бываетъ.
Когда богачъ просить у бѣдняка готовъ,
Бѣднякъ пугается и не пойдетъ на зовъ;
Затѣмъ, какъ случай то упуститъ, жаль порою.
(Эвклiонъ возвращается).
Я вижу, Эвклiонъ, ты шутки тутъ со мною
Затѣялъ, старикомъ; я ихъ не заслужилъ.

Эвклiонъ.

Не думалъ, Мегадоръ; а вздумай, нѣтъ и силъ.

Мегадоръ.

Такъ что же? отдаешь мнѣ дочь?

Эвклiонъ.

По уговору,
Съ приданымъ, какъ сказалъ.

Мегадоръ.

Отдашь?

Эвкліонъ.

Отдамъ безъ спору.

Мегадоръ.

Часъ добрый!

Эвкліонъ.

Добрый часъ! Ты только не забудь:
Сказалъ, — за дочерью приданаго ничуть.

Мегадоръ.

Я помню.

Эвкліонъ.

Съ вами вѣдь рядиться крѣпко надо:
Не ряда — ряда вамъ, а ряда — вдругъ не ряда.

Мегадоръ.

Не будемъ спорить мы. Но свадьбу то сыграть
Сегодня что же намъ мѣшаетъ?

Эвкліонъ

Исполать!

Мегадоръ.

Иду, готовлю все. Ты что жь?

Эвкліонъ.

Да тожь.

Мегадоръ.

Не инакъ.

Прощай! Эй, ты, Стробилъ, пойдемъ со мной на
рынокъ.

Эвкліонъ.

Ушелъ. Вотъ золото, ей-ей, глава всему!
Онъ вѣрно услыхалъ, что скрылъ я кладъ въ дому
Взалкалъ, а потому и ищетъ породниться.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Эвкліонъ и Стафила.

Эвкліонъ объявляетъ Стафилѣ, что онъ выдаетъ свою дочь замужъ за Мегадора, и приказываетъ ей все приготовить къ свадьбѣ. Ужасъ Стафилы.

Эвкліонъ.

Гдѣ ты умѣла всѣмъ кругомъ проговориться,
Что дамъ приданаго за дочерью? Ступай,
Стафила! Мой горшки и въ домѣ прибирай!
Сегодня выдаю я дочь за Мегадора.

Стафила.

Часъ добрый! Но нельзя управиться такъ скоро.

Эвкліонъ.

Молчи и уходи! Все изготовь и дверь
Запри, пока вернусь.

Стафила.

Что дѣлать мнѣ теперь?
И дочери его, и мнѣ пропасть придется.
Пойду, все сдѣлаю, покамѣстъ онъ вернется;
Знать, чашу горькую придется мнѣ испить

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Стробилъ, Антраксъ и Конгріонъ

Слуга Стробилъ отдаетъ приказанія двумъ поварамъ для приготовленій къ свадебному пиру. Ихъ разговоръ показываетъ намъ скупость Эвкліона.

Стробилъ.

На рынкѣ господинъ къ покупкамъ прихватить
И поваровъ успѣлъ и флейтщицъ. Мнѣ жь корзины
Велѣлъ на равныя дѣлить онъ половины.

Конгріонъ.

Меня то, я клянусь, тебѣ не раздѣлить.
Коль одному отдашь, согласенъ, такъ и быть.

. . . .

Стробилъ.

Ты повернуть, Антраксъ, желаешь непригоже
То, что я говорю. А господинъ мой все же
Сегодня женится.

Антраксъ.

Беретъ откуда онъ?

Стробилъ

Да по сосѣдству вотъ старикъ тутъ Эвкліонъ.
Ему припасовъ часть велѣлъ отдать онъ ту же,
Другаго повара и флейтщицу къ тому же.

Антраксъ.

Такъ часть снесешь къ нему, другую въ этотъ домъ?

Стробилъ.

Какъ ты сказалъ.

Конгріонъ.

Зачѣмъ не справитъ на своемъ
Дочерней свадьбы тотъ?

Стробилъ.

Охъ!

Конгріонъ.

Что же?

Стробилъ.

Что? выходитъ,
Что пемзу сухостью старикъ тотъ превосходитъ.

Конгріонъ.

Ты правду-ль говоришь?

Стробилъ.

Не можетъ быть вѣрнѣй.
Въ свидѣтели зоветъ боговъ онъ и людей,
Что онъ совсѣмъ пропалъ и долженъ разориться,
Какъ изъ его трубы дымокъ лишь заструится.
Чего!—ложася спать онъ къ глоткѣ вяжетъ мѣхъ. [171])

Конгріонъ.

Зачѣмъ?

---

171) Насмѣшки рабовъ надъ скупымъ выходятъ до нелѣпости грубы.

Стробилъ.

Чтобы во снѣ не тратить вздоховъ всѣхъ.
Повѣрь мнѣ, какъ тебѣ повѣрю я не хуже.

Конгріонъ.

Да, вѣрю вѣдь и я.

Стробилъ.

А знаешь ли, къ тому же—
Онъ плачетъ о водѣ, что вылилъ руки мыть.

Конгріонъ.

Вотъ тысячу бы намъ пожалуй попросить
У старика того, чтобъ ею откупиться.

Стробилъ.

Хоть голода проси, онъ вѣрно поскупится.
Намедни ногти стригъ ему бородобрѣй:
Такъ всѣ онъ подобралъ обрѣзки отъ ногтей.

Атраксъ.

Клянусь, что смертный твой скупѣйшаго скупѣе.

Конгріонъ.

Ужель возможно жить скупѣе и бѣднѣе?

Стробилъ.

Намедни кашицу снесъ коршунъ у него;
Онъ къ претору пошелъ челомъ бить на того,
И сталъ просить стеня и мучась тяжкой мукой,
Чтобъ коршунъ стать на судъ обязанъ былъ порукой.
И тысячи бы могъ привесть примѣровъ я.
Но кто изъ васъ ловчѣй, скажите мнѣ, друзья?

Конгріонъ.

Я лучше.

Стробилъ.

Повара мнѣ нужно, а не вора.

Конгріонъ.

Я поваръ, — говорю.

Стробилъ.

А ты что?

Антраксъ.

Самъ безъ спора.

Конгріонъ.

Онъ поваръ рыночный: въ девятый день зовутъ [191]
Его къ стряпнѣ.

Антраксъ.

А ты, въ трехъ буквахъ весь ты тутъ. [192]
Меня ругаешь? Воръ! воръ истый! воръ трикраты!..

Стробилъ.

Молчи, и ту овцу, что пожирнѣй, ребята...

Антраксъ.

Мнѣ брать?

---

191) Черезъ каждые девять дней въ Римѣ происходилъ рыночный торгъ, на которомъ между прочимъ брали прислугу на подмогу въ случаѣ надобности, не разбирая ея достоинства.

192) Антраксъ на хулу Конгріона говоритъ ему, что онъ самъ весь выражается тремя буквами: *fur*—воръ.

Стробилъ:

Ты, Конгріонъ, бери ее скорѣй
И уноси туда, а вы за нимъ живѣй.
Вы жь остальные къ намъ.

Конгріонъ

Обиды нѣтъ больнѣе;
Ты обдѣляешь насъ: овца у нихъ жирнѣе.

Стробилъ.

За то я флейтщицу тебѣ жирнѣе дамъ.
Иди съ нимъ, Фригія. Элевзія, ты къ намъ,
Ступай за нами въ домъ.

Конгріонъ.

Ахъ ты, Стробилъ, пройдоха,
Къ скупому старику меня спихнулъ не плохо.
Тамъ стань чего просить, охрипнешь самъ давно,
А все не выпросишь.

Стробилъ.

И глупо, и смѣшно
Тамъ дѣлать хорошо, гдѣ что ни дѣлай—даромъ.

Конгріонъ

Какъ?

Стробилъ.

Спрашиваешь ты? Вопервыхъ, въ домѣ старомъ
Смятенья не найдешь. Коль нужно что, — неси
Съ собою изъ дому; не то и не проси.

У насъ тутъ кутерьма: народу прóпасть, груды
Одеждъ и золота, серебряной посуды:
Тутъ, коль пропало что (я знаю, ты сдержать
Всегда готовъ себя, коль нечего поднять),—
Вотъ, скажутъ, повара̀ украли: забирайте,
Вяжите, бейте ихъ и въ яму запирайте!
Тамъ ничего себѣ не сыщешь ко вреду:
Тамъ нечего схватить. Иди за мной.

Конгріонъ.

Иду.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Стробилъ, Стафила и Конгріонъ.

Стробилъ приказываетъ Стафилѣ отворить дверь Эвкліонова дома, чтобы приготовить тамъ пиръ.

Стробилъ.

Стафила, гей, иди! Дверь отворяй.

Стафила.

Кто кличетъ?

Стробилъ.

Стробилъ.

Стафила.

Чего тебѣ?

Стробилъ.

Вотъ поваровъ весь причетъ
И флейтщицу прими и къ свадьбѣ весь припасъ.
Все Мегадоръ велѣлъ сдать Эвкліону въ разъ.

Стафила.

Да свадьбу то, Стробилъ, готовятъ знать Церерѣ?

Стробилъ.

Какъ?

Стафила.

Не видать совсѣмъ вина по крайней мѣрѣ.

Стробилъ.

Какъ съ рынка самъ придетъ, и это принесутъ.

Стафила.

Дровъ тоже нѣтъ у насъ.

Конгріонъ.

Шесты вѣдь есть же тутъ?

Стафила.

Есть.

Конгріонъ.

Дерево они. Такъ ты о чемъ же тужишь?

Стафила.

Чего, чумазый? Такъ какъ ты Волкану служишь,
На ужинъ захотѣлъ, барышъ учуя свой,
Весь домъ спалить у насъ надъ нашей головой?

Конгріонъ.

Не думалъ.

Стробилъ.

Проводи ихъ въ домъ.

Стафила.

Идите сами.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Управляющій Питодикъ появляется въ первый разъ и потомъ уже не возвращается во все продолженіе пьесы; онъ идетъ наблюдать за приготовленіями къ пиру.

Старайтесь; присмотрѣть пойду за поварами;
Сегодня трудъ большой за ними услѣдить.
Ужь не заставить ли ихъ въ погребѣ варить,
Откуда ихъ стряпню корзиной намъ добудутъ;
А что коль поѣдятъ они, что стряпать будутъ,
Вверху всѣмъ голодать, внизу сожрутъ обѣдъ.
Но я болтаю здѣсь, какъ будто дѣла нѣтъ,
Когда грабителей въ домъ столько налетѣло.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Эвкліонъ и Конгріонъ.

Эвкліонъ возвращается съ рынка, взбѣшенный дороговизной провизіи. Онъ находитъ свою дверь отворенною, слышитъ голосъ Конгріона и думаетъ, что его домъ грабятъ.

Эвкліонъ.

Хотѣлъ сегодня я собраться съ духомъ смѣло,
Чтобъ свадьбу дочери отпраздновать вполнѣ.
Иду на рынокъ я за рыбой, — суютъ мнѣ
Баранину, телятъ, говядину, — прекрасно, —
И рыбъ, и поросятъ, — все дорого ужасно.

И тѣмъ дороже все, что денегъ нѣтъ платить.
Я въ гнѣвѣ ухожу, что нечего купить,
И этимъ мерзостныхъ я всѣхъ ихъ надуваю.
Затѣмъ дорогою съ собою размышляю:
Коль въ праздникъ лишнее истратилъ ты за разъ,
То въ будни голодай, когда ты не припасъ.
Какъ убѣдился въ томъ и сердцемъ я и брюхомъ,
Добрался наконецъ я до рѣшенья духомъ,
Чтобъ свадьбу дочери справлять подешевѣй.
Я ладанцу купилъ, да вотъ цвѣточковъ ей;
Мы лару нашему ихъ на алтарь возложимъ,
Чтобъ бракомъ дочь мою порадовалъ пригожимъ.
Но что, — въ моемъ дому я настежь вижу дверь
И въ серединѣ шумъ! Иль воры тамъ теперь?

Конгріонъ.

Поболѣе горшокъ ты выпроси мнѣ вскорѣ:
Вотъ этотъ малъ; въ него не помѣстишь.

Эвкліонъ.

О горе!
Пропалъ я! золото берутъ; кричатъ: горшокъ.
Умру, коль не вбѣгу туда со всѣхъ я ногъ.
О Аполлонъ, молю, спаси ты и помилуй!
Стрѣлами тѣхъ пронзи, что кладъ хватаютъ силой!
И прежде милостью меня ты находилъ.
Что жь не бѣгу, пока еще хватаетъ силъ?

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Антраксъ отдаетъ приказанія поварамъ.

Антраксъ.

Дромъ, рыбу ты очисть. Махерій, ты почище
Вынь кости изъ угря и изъ муренъ, дружище.
Пока схожу, поспѣй всѣ кости отобрать.
Пойду я противень у Конгріона взять.
Того вонъ пѣтуха обдѣлай для порядка,
Чтобъ и танцовщикъ такъ ощипанъ не былъ гладко.[270])
Но шумъ по близости какой возникнулъ тутъ?
Навѣрно повара дѣла свои ведутъ.
Бѣгу, чтобъ кутерьмы не вышло у прислуги.

---

270) Танцовщики, игравшіе и женскія роли, стараясь сохранить моложавость, тщательно выщипывали на лицѣ и вообще на тѣлѣ проступающій пухъ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Конгріонъ.

Конгріонъ, котораго бьетъ Эвкліонъ, бѣжитъ на сцену, испуская крики.

Граждане добрые съ сосѣдства и съ округи,
Дорогу дайте мнѣ, раздайтесь для меня.
На Вакханалій впрямь явился стряпать я:
Пробрали палками меня съ учениками.
Истерзанъ, я погибъ: такъ тѣшится надъ нами
Старикъ; не отпускалъ никто роскошнѣй дровъ.
Онъ палками прогналъ меня и поваровъ.
Охъ, бѣдный я пропалъ: за мною слѣдомъ злюка.
Но знаю, какъ мнѣ быть: онъ самъ мнѣ въ томъ наука.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Эвкліонъ и Конгріонъ.

Смѣшная сцена, въ которой Эвкліонъ осыпаетъ Конгріона ругательствами, выгоняя его изъ дома.

Эвкліонъ.

Вернись! Куда бѣжишь? Стой!

Конгріонъ.

Что орешь, дуракъ?

Эвклiонъ.

Сейчасъ къ суду тебя стащу.

Конгрiонъ.

За что же такъ?

Эвклiонъ.

Ножъ у тебя въ рукѣ.

Конгрiонъ.

Я поваръ.

Конгрiонъ.

Намѣрялся

Ты на меня.

Конгрiонъ.

Какъ жаль, что ткнуть не постарался.

Эвклiонъ.

Преступнѣй никого не сыщешь межъ людей,
Кому бы сдѣлать зло я былъ готовъ скорѣй.

Конгрiонъ.

Хоть промолчи: дѣла твои гласятъ не плохо:
Я, палками измятъ, сталъ мягче скомороха.
Тебѣ то, нищiй, что? Ты съ чѣмъ ко мнѣ присталъ?

Эвклiонъ.

Ты хочешь знать? Ужель я мало надавалъ?
Постой!

Конгрiонъ.

Пока я живъ, тебѣ быть можетъ худо.

Эвклiонъ.

Что будетъ впредь, Богъ вѣсть. Съ худымъ то ты покуда!
Но въ домѣ ты моемъ что дѣлалъ, негодяй?
Въ моемъ отсутствiи? Желаю знать.

Конгрiонъ.

Такъ знай:
Мы къ свадьбѣ тутъ варить.

Эвклiонъ.

Да дѣло то твое ли,
Сырьемъ ли ѣмъ, варю ль,— ты опекунъ мнѣ что ли?

Конгрiонъ.

Хочу я знать, ты дашь готовить иль не дашь?

Эвклiонъ.

Хочу я знать, въ дому не будетъ ли покражъ?

Конгрiонъ.

Хоть то, что я принесъ, я сохранить желаю.

Эвклiонъ.

Небось, мнѣ твоего не нужно.

Конгрiонъ.

Знаю! Знаю!
Зачѣмъ мѣшаешь намъ варить и гонишь насъ?
Что сдѣлали иль что сказали мы не въ часъ?

Эвклiонъ.

Еще и спрашивать, негодный, вздумалъ ты то?
Кѣмъ въ домѣ все въ углахъ и въ комнатахъ раскрыто.

Когда бъ у очага при дѣлѣ былъ своемъ,
Была бъ и голова цѣла. Вотъ подѣломъ
Тебѣ. Такъ выслушай теперь мое рѣшенье:
Лишь къ двери двинешься сюда безъ разрѣшенья,
Всѣхъ жальче сдѣлаю тебя изъ смертныхъ, братъ.
Ты понялъ ли теперь? Куда идешь? Назадъ!

Конгріонъ.

Пусть милуетъ меня Лаверна, если прямо [40])
Горшковъ мнѣ не отдашь, тебѣ устрою срама.
Что дѣлать мнѣ теперь? Вотъ такъ попался самъ:
Тружусь за четвертакъ, врачу дороже дамъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Эвкліонъ и Конгріонъ.

Эвкліонъ, вошедшій къ себѣ, выходитъ вновь, неся свой горшокъ, и позволяетъ Конгріону продолжать его работу. Конгріонъ жалуется на побои.

Эвкліонъ.

Куда бы я ни шелъ, все буду брать съ собою,
Не окружу его опасностью такою.
Входите, флейтщицы, теперь и повара,
Хоть сволочь всякую вводите со двора,
Варите, рыскайте, какъ вздумаете сами.

---

40) *Лаверна*, богиня, покровительница воровъ, см. Горація кн. I. Послан. 16:

Тихо шепчетъ, боясь быть услышаннымъ: „дай мнѣ, Лаверна,
Дай, прекрасная, скрыться, святымъ и чистымъ казаться“

Конгріонъ.

Такъ! головы то намъ пробивши батогами.

Эвкліонъ

Входи! — ты приглашенъ работать, не болтать.

Конгріонъ.

Ты за битье, старикъ, мнѣ пеню долженъ дать:
Не палочье терпѣть, готовить былъ я нуженъ.

Эвкліонъ.

Такъ жалуйся суду! Отстань! Готовь свой ужинъ
Иль провались совсѣмъ!

Конгріонъ

Самъ провались впередъ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Эвкліонъ, оставшись одинъ, выражаетъ свои подозрѣнія и разсказываетъ, какія мѣры онъ долженъ принять противъ хитростей.

Эвкліонъ.

Ушелъ. Безсмертные, какъ дерзновененъ тотъ,
Кто, бѣденъ самъ, дѣла съ богатымъ начинаетъ.
Чѣмъ Мегадоръ меня поддѣть ни замышляетъ!
Онъ поваровъ прислалъ мнѣ словно сдѣлать честь,
А цѣль, чтобъ вотъ его у бѣдняка унесть.
Да вотъ меня пѣтухъ, что быть въ дому изволилъ,
Старухи собственный, едва не обездолилъ:
Гдѣ этотъ былъ зарытъ, кругомъ ногтями онъ

Сталъ скресть. Что толковать? Я такъ былъ разбѣшенъ:
Взявъ палку, пѣтуха убилъ надъ плутовствами.
Но вѣрно былъ пѣтухъ подкупленъ поварами,
Чтобъ дѣло обнажить: я ихъ развелъ съ грѣхомъ.
Что толковать? Вражда отпѣта съ пѣтухомъ.
Но съ рынка зять идетъ; я вижу Мегадора.
Нельзя уйти, а ждать съ нимъ должно разговора.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Мегадоръ и Эвкліонъ.

Мегадоръ, не думая быть услышаннымъ Эвкліономъ, радуется своему рѣшенію жениться на дѣвицѣ безъ приданаго и порицаетъ требованія богатыхъ женщинъ.

Мегадоръ.

Ужь многимъ изъ друзей успѣлъ я разсказать,
Что Эвкліона дочь хочу я замужъ взять.
Всѣ хвалятъ; будетъ то разумно и толково.
Я мнѣнія того жь про всякаго другаго.
Когда бы богачи у бѣдныхъ дочерей
Всѣхъ безприданницъ въ домъ къ себѣ вели скорѣй,
Гораздо бъ у гражданъ согласья больше стало,
И зависть, какъ теперь, бы насъ не окружала;
И тѣ то пуще бы бояться стали зла
И меньше было бъ тратъ на всякія дѣла.
Всѣ люди заурядъ довольны бъ были сами,
Возникъ бы только споръ съ немногими скупцами;

Ихъ ненасытности и склонности алкать
Не въ силахъ ни законъ, ни опекунъ унять.
Коль спросятъ: да куда жь богатыя бы стали
Съ приданымъ выходить, коль бѣднымъ право дали?
Куда хотятъ, лишь бы приданое не въ счетъ.
Будь такъ, то всякая получше припасетъ
Себѣ къ замужству нравъ, приданое вѣдь тоже.
Я сдѣлалъ бы, чтобъ мулъ, что лошади дороже, [89])
Дешевле галльскаго пошелъ ломовика.

Эвклiонъ.

Клянусь, мнѣ рѣчь его отрадна и сладка:
О бережливости онъ говорилъ съ душею.

Мегадоръ.

Не скажетъ ни одна: приданаго за мною
Гораздо болѣе, чѣмъ у тебя добра:
Давай мнѣ пурпура, и злата, и сребра,
Служанокъ и къ муламъ погонщиковъ, приспѣшныхъ,
Разсыльныхъ мальчиковъ и колесницъ потѣшныхъ.

Эвклiонъ.

Какъ нашихъ дамъ успѣлъ прiемы онъ узнать!
Ему бъ начальникомъ надъ женщинами стать.

Мегадоръ.

Теперь, куда ни йди, въ домахъ повозокъ болѣ
Найдешь, чѣмъ еслибы зашелъ на хуторъ въ полѣ.

89) Мулы употреблялись обыкновенно въ щегольскую упряжку дамскихъ экипажей.

Но краше то̀ всего, за что приносятъ счетъ:
Валяльщикъ, ювелиръ и кто шелками шьетъ,
Цирюльникъ, швецъ каймы, съ сорочкой тотъ готовой,
Красильщикъ въ цвѣтъ огня, красильщикъ въ цвѣтъ лиловый,
Кто съ рукавами шьетъ, кто продаетъ духи,
Кто ходитъ съ полотномъ, кто шьетъ имъ башмаки,
Швецы, сидящіе надъ обувью обычной,
Кто туфли дѣлаетъ, кто краситъ въ цвѣтъ различный,
Суконщикъ пристаетъ, проситъ портной готовъ,
Корсетникъ на лицо, ждетъ мастеръ поясовъ.
Кажись, отправилъ ихъ. Ушли, а триста снова
Стоятъ въ преддверіи; опять толпа готова,
Ткачей, басонщиковъ, искусныхъ столяровъ
Приводятъ; денегъ дашь; ждешь,—развязался,—вновь
Въ шафранъ красильщикъ тутъ явился,—вотъ досада!
Чумѣ на всякій часъ чего либо да надо.

Эвкліонъ.

Рѣчь завести бы съ нимъ, да бросить говорить
Про нравы женскіе: не трону, такъ и быть.

Мегадоръ.

Когда разнощиковъ нелегкая уноситъ,
Приходитъ подъ конецъ солдатъ и денегъ проситъ.[121])

---

[121]) Здѣсь подъ солдатомъ должно подразумѣвать того, кто обязанъ былъ собирать налогъ, предназначенный солдатамъ на жалованье. Этотъ налогъ былъ установленъ въ Римѣ въ 403 году до Р. Хр.

Къ мѣнялѣ тутъ пойдутъ, чтобъ съ тѣмъ окончить счетъ;
Не ѣвши между тѣмъ солдатъ уплаты ждетъ.
Какъ у мѣнялы то все дѣло разобрали,
То самому пришлось доплачивать мѣнялѣ;
Солдату говорятъ другимъ явиться днемъ.
Вотъ этакихъ то тьма расходовъ при большомъ
Приданомъ, и еще докуки много хуже.
Вѣдь безприданница вполнѣ во власти мужа;
Съ богатой мужъ въ бѣдѣ и тотчасъ разоренъ.
Да вонъ онъ у дверей. Что скажешь, Эвклiонъ?

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Эвклiонъ и Мегадоръ.

Эвклiонъ и Мегадоръ разсуждаютъ о приготовленiяхъ къ свадьбѣ. Эвклiонъ выказываетъ свое недовѣрiе и боится посягательствъ на свой кладъ.

Эвклiонъ.

Твою я рѣчь глоталъ, она меня плѣняла.

Мегадоръ.

Какъ? развѣ слышалъ ты?

Эвклiонъ.

Все съ самаго начала.

Мегадоръ.

Но какъ мнѣ кажется, все могъ бы, такъ и быть,
Ты къ свадьбѣ дочери себя принарядить.

Эвкліонъ.

Въ богатствѣ щегольство избытокъ возвышаетъ,
Имущему свой родъ припомнить не мѣшаетъ;
А право, Мегадоръ, у бѣдняковъ такихъ,
Какъ я, не лучше жизнь, чѣмъ думаютъ о нихъ.

Мегадоръ.

Нѣтъ, Эвкліонъ.

Эвкліонъ.

Чего?

Мегадоръ.

Боговъ благословенье
Пусть множитъ у тебя наличное владѣнье.

Эвкліонъ.

Владѣнье, — вотъ словцо, что слышу я сердясь.
Все знаетъ онъ, какъ я: старуха проврались. —

Мегадоръ.

Чего жь ты бродишь тутъ одинъ, вдали отъ свѣта?

Эвкліонъ.

Какъ обвинить тебя все мыслю.

Мегадоръ.

Въ чемъ же это?

Эвкліонъ.

Въ чемъ, спрашиваешь ты? Когда ко мнѣ ты самъ
Въ домъ бѣдняку напхалъ воровъ по всѣмъ угламъ;
Пять сотенъ поваровъ наслалъ мнѣ сверхъ закона

Да шестирукихъ все, какъ чада Геріона; [149])
Хотя бы Аргусъ ихъ глазастый сторожилъ,
Что къ Іо пастыремъ Юноной приданъ былъ,
Не могъ бы углядѣть; да флейтщицей ссудилъ,
Что выпила бъ одна Коринѳскую Пирену, [153])
Когда бы въ ней вино пришло водѣ на смѣну.
Затѣмъ и кушанье...

МЕГАДОРЪ.

На цѣлый легіонъ.
Ягненка жь я прислалъ.

ЭВКЛІОНЪ.

Онъ горемъ удрученъ, [156])
Въ какомъ животнаго не повстрѣчаешь вскорѣ.

МЕГАДОРЪ.

Желалъ бы я узнать, въ какомъ ягненокъ горѣ?

ЭВКЛІОНЪ.

Весь кости въ кожѣ онъ, такъ сильно горе въ немъ;
При солнцѣ внутренность виднѣется въ живомъ:
Сквозитъ онъ фонаря Пунійскаго свѣтлѣе. [161])

---

149) Громадный Геріонъ изображался поэтами трехтѣльнымъ и слѣдовательно шестирукимъ, см. Горація Кн. II. Од. 14. ст. 7:
„Безслезный трехтѣльнаго онъ Геріона"...

153) Въ Коринѳской крѣпости протекалъ ручей Пирены, посвященный музамъ.

156) Скупецъ желаетъ унизить достоинство всего въ даръ полученнаго; между прочимъ говоритъ и о ягненкѣ, что онъ отъ огорченій исхудалъ и свѣтится насквозь.

161) Фонарь названъ *Пунійскимъ,* потому что онъ, вѣроятно, не роговой, а стеклянный; а изобрѣтеніе стекла приписывали финикіянамъ.

Мегадоръ.

Я на убой его послалъ.

Эвкліонъ.

А ты бъ скорѣе
Позвалъ зарыть его: издохъ навѣрно онъ.

Мегадоръ.

Сегодня выпьемъ мы съ тобою, Эвкліонъ.

Эвкліонъ.

Не стану, право, пить.

Мегадоръ.

Велю принесть сначала
Кадь стараго вина изъ своего подвала.

Эвкліонъ.

Клянусь, я не хочу; рѣшился воду пить.

Мегадоръ.

Коль буду живъ, виномъ сегодня накатить
Хочу тебя, хотя пить воду ты намѣренъ

Эвкліонъ.

Онъ напоитъ меня задумалъ, я увѣренъ,
Чтобы мое добро сыскало новый путь.
Но я остерегусь, снесу куда нибудь.
Вино и трудъ его пусть даромъ расточатся.

Мегадоръ.

Дозволь помыться мнѣ и жертвою заняться. (Уходитъ).

Эвкліонъ.

Враговъ тебѣ, горшокъ, пришлось немало знать,
Какъ это золото ты принялъ сохранять.
Мнѣ лучшимъ кажется всего, коли снесу я
Въ храмъ Вѣрности тебя и тамъ тебя засую.
Со мною, Вѣрность, ты знакома, я съ тобой.
Коль ввѣрюсь я тебѣ, не покриви душой!
Иду и Вѣрности твоей я довѣряю.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Стробилъ.

Стробилъ, слуга Ликонида, наблюдаетъ за событіями, чтобы донести о нихъ своему господину, узнавшему, что любимая имъ дѣвушка помолвлена за Мегадора.

Такъ долженъ честный рабъ творить, какъ я желаю; [1]
Предъ волею господъ не должно лѣни быть.
Кто службою своей желаетъ угодить,
Ужь тотъ забудь себя, а помни господина;
Хоть спитъ, служебнаго не забывай онъ чина.
Кто у влюбленнаго слугой какъ я, и вотъ
Увидитъ, что любовь того во власть беретъ,
Тотъ долженъ сдерживать, а не будить стремленье.
Какъ мальчиковъ, уча ихъ плавать, въ облегченье
Кладутъ на камышѣ, свободу давъ рукамъ; — [10]

---

1) Этотъ Стробилъ уже не тотъ, котораго мы встрѣчаемъ въ четвертой сценѣ втораго акта, гдѣ онъ рабъ Мегадора. Согласно догадкѣ Ноде, это смѣшеніе должно приписать сокращенію переписчика, ставившаго при двухъ различныхъ именахъ, какъ напр., Стробилъ и, быть можетъ, Страбонъ или Стратонъ,—то-же самое *Стр.*

10) *Кладутъ на камышъ*, на плетенку изъ камыша, замѣняющую пузыри.

Такимъ то камышемъ влюбленному и самъ
Слуга быть долженъ, чтобъ не дать ко дну спускаться;
Чуть тотъ задумалъ что, онъ долженъ догадаться;
А приказалъ — несись проворнѣй четверни.
Такого не придутъ бычачьи драть ремни,
И на ногахъ цѣпей онъ не услышитъ звона.
Влюбленъ мой господинъ въ дочь скряги Эвкліона,
А вдругъ присватался къ ней, слышно, Мегадоръ:
Я посланъ, чтобъ у нихъ за всѣмъ слѣдилъ мой взоръ.
Такъ здѣсь у алтаря я сяду безобидно:
Туда мнѣ и сюда и тутъ все будетъ видно.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Эвкліонъ и Стробилъ.

Эвкліонъ, не видя Стробила, проситъ богиню Вѣрности беречь его кладъ. Стробилъ, услыхавъ его, намѣревается украсть горшокъ.

Эвкліонъ.

Ты, Вѣрность, не кажи, гдѣ кладъ мой схороненъ:
Небось, имъ не найти, такъ ловко спрятанъ онъ.
Добыча чудная горшокъ, гдѣ деньги скрыты,
Кто сыщетъ. Но такихъ, о Вѣрность, прочь гони ты.
Пойду помыться я предъ жертвою, чтобъ зять, [26])

[26]) Передъ жертвоприношеніемъ мылись, чтобы очиститься; см. актъ третій, сцена шестая, ст. 174.

Какъ лишь потребуетъ, могъ дочь мою забрать.
Ты, Вѣрность, также впредь храни горшокъ, какъ нынѣ!
Скрылъ золото въ твоей я рощѣ и святынѣ!—

Стробилъ.

О боги, человѣкъ вотъ этотъ говорилъ,
Что съ золотомъ горшокъ онъ въ храмѣ тутъ зарылъ!
Ты, Вѣрность, мнѣ его не предпочти услугой!
Отецъ онъ той, кажись, кого избралъ подругой
Мой господинъ: войду и храмъ весь обыщу,
И если золото, о Вѣрность, я сыщу,
Съ сытою принесу я полную посуду;
Тебѣ тотъ будетъ даръ, но пить то самъ я буду.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Эвкліонъ.

Эвкліонъ, считая себя наединѣ, выражаетъ свои опасенія.

Недаромъ воронъ мнѣ тутъ слѣва прокричалъ; [38]
Онъ каркалъ и притомъ ногтями землю дралъ.
Вмигъ сердце у меня, волнуясь и тоскуя,
Запрыгало въ груди. Чего жь не побѣгу я?

---

38) Карканье ворона или вороны слѣва считалось дурнымъ предзнаменованіемъ

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Эвклiонъ и Стробилъ.

Эвклiонъ видитъ Стробила; испуганный его присутствiемъ, онъ подозрѣваетъ его въ преступленiи.

Эвклiонъ.

Пошелъ ты вонъ, червякъ, что изъ земли сейчасъ!
И только вылѣзъ ты, такъ и пропалъ какъ разъ.
Вотъ я тебя, фигляръ, приму, какъ подобаетъ.

Стробилъ.

Что за нелегкая тебя, старикъ, хватаетъ?
Чего ты бьешь меня и тащишь на позоръ?

Эвклiонъ.

Еще сталъ спрашивать! Не воръ, а распреворъ!

Стробилъ.

Что я укралъ?

Эвклiонъ.

Отдай!

Стробилъ.

Что я отдамъ?

Эвклiонъ.

Не знаешь?

Стробилъ.

Не кралъ я у тебя.

Эвклiонъ.

Да что себѣ хватаешь,

Отдай!

Стробилъ.

Что дѣлать то?

Эвклiонъ.

Не унесешь!

Стробилъ.

Да что?

Эвклiонъ.

Безъ шутокъ! Здѣсь клади: тутъ шутки ни на что.

Стробилъ.

Что класть то? Назови предметъ твоей докуки.
Не бралъ я ничего.

Эвклiонъ.

Ты покажи-ка руки!

Стробилъ.

Эхъ!

Эвклiонъ.

Покажи.

Стробилъ.

Ну вотъ!

Эвклiонъ.

И третью дай сюда.

Стробилъ.

Знать бредъ у старика и смыслу ни слѣда
Вѣдь ты неправъ?

Эвкліонъ.

Что ты ужь не повѣшанъ—каюсь.
Чтобъ это не сбылось—сознайся.

Стробилъ.

Въ чемъ сознаюсь?

Эвкліонъ.

Что снесъ ты!

Стробилъ.

Хоть пропа̀сть, коль снесъ я что съ собой.

Эвкліонъ.

Или хотѣлъ унесть. Встряхни ка плащъ то свой.

Стробилъ.

Изволь.

Эвкліонъ.

Въ туникѣ знать.

Стробилъ.

Обыскивай въ ней даже.

Эвкліонъ.

Какъ ласковъ ты, злодѣй, чтобъ я не понялъ кражи!
Продѣлки знаю всѣ. Дай правую опять.

Стробилъ.

Вотъ!

Эвкліонъ.

Лѣвую опять.

Стробилъ.

Ты можешь обѣ взять.

Эвкліонъ.

Ужь не хочу искать. Отдай!

Стробилъ.

Да что?

Эвкліонъ.

Морочишь.

Навѣрно у тебя.

Стробилъ.

Да что?

Эвкліонъ.

Провѣдать хочешь.

Что взялъ мое, — отдай!

Стробилъ.

Безумецъ! ты, всего

Обшаривъ, не нашелъ ни крошки своего.

Эвкліонъ.

Постой, постой! кто тамъ съ тобой внутри былъ! Горе!

Теперь онъ роетъ тамъ; брось этого, тотъ вскорѣ

Уйдетъ. Я этого обшарилъ, съ этимъ нѣтъ.
Ступай! пусть громъ тебя сразитъ!

Стробилъ.

Хорошъ привѣтъ.

Эвкліонъ.

Войду, чтобъ задушить другаго постараться.
Уйдешь ли съ глазъ?

Стробилъ.

Уйду.

Эвкліонъ.

Мнѣ впредь не попадаться!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Стробилъ, оставшись одинъ, видитъ, что Эвкліонъ переноситъ свой кладъ.

Стробилъ.

Смерть лютую скорѣй готовъ я перенесть,
Чѣмъ нынче старику ловушки не подвесть.
Не спрячетъ золото онъ здѣсь до дня другаго:
Я чай, возьметъ съ собой и смѣнитъ мѣсто снова.
Дверь скрипнула! старикъ съ горшкомъ идетъ теперь!
Покуда постою тутъ, спрятавшись за дверь.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Эвкліонъ и Стробилъ.

Эвкліонъ объявляетъ, что онъ уноситъ свое золото изъ храма Вѣрности, чтобы спрятать его въ рощѣ Сильвана. Стробилъ старается извлечь пользу изъ этихъ словъ.

Эвкліонъ.

Я Вѣрность больно чтилъ, въ ней все считая вѣрнымъ,
Она же по губамъ помазала мнѣ сквернымъ.
Когда бъ не воронъ, я бъ совсѣмъ, бѣднякъ, пропалъ.
Хотя бы воронъ тотъ передо мной предсталъ,
Что остерегъ меня. Его бы въ высшей мѣрѣ
Я расхвалилъ: кормить—вѣдь значитъ быть въ потерѣ.
Гдѣ бъ мѣсто пріискать, куда его вотъ снесть?
Тамъ за стѣной вдали Сильвана роща есть,
Затѣнена лозой: искать тамъ мѣста стану.
Скорѣй чѣмъ Вѣрности, довѣрюсь я Сильвану.

Стробилъ.

Чудесно! Небо пусть здоровья мнѣ пошлетъ!
Взберусь на дерево я, забѣжавъ впередъ:
Увижу, какъ старикъ начнетъ съ горшкомъ копаться.
Хоть господинъ велѣлъ мнѣ тутъ вотъ оставаться,—
Но лучше вытерпѣть бѣду, да взять свое.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Ликонидъ и Эвномія.

Ликонидъ проситъ мать свою Эвномію ходатайствовать предъ Мегадоромъ, чтобы дядя отказался отъ брака съ Федрой и уступилъ ее ему.

Ликонидъ.

Я, матушка, сказалъ; какъ я, ты знаешь все
Про Эвкліона дочь: теперь я умоляю
Вновь, матушка, тебя и просьбу повторяю:
Ты съ дядей, матушка, поговори одна

Эвномія.

Ты знаешь, какъ тебѣ я помогать склонна.
Братъ покорится мнѣ, я думаю, мгновенно,
И должно,—если, что сказалъ ты, несомнѣнно.

Ликонидъ.

Могу ли, матушка, въ лице тебѣ я лгать?

Эвномія.

Иди за мною, сынъ! Мнѣ брата увидать,
И я того, о чемъ ты умолялъ, добьюся.

Ликонидъ.

Иди; я, матушка, вослѣдъ пойду. Дивлюся
Рабу Стробилу я. Гдѣ онъ? Ему я ждать
Велѣлъ меня вотъ здѣсь. Но думаю опять:
Коль онъ радѣетъ мнѣ, сердиться не затѣю.
Войду туда, гдѣ судъ надъ головой моею.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Стробилъ, опьяненный радостью, восхищается, что укралъ кладъ Эвкліона.

Стробилъ.

Грифоновъ, что въ горахъ все злато стерегутъ,
Богаче я одинъ. О прочихъ помнить тутъ
Царяхъ я не хочу, все нищета людская.
Тотъ царь Филиппъ то я! О радость дорогая!
Какъ я, уйдя отсель, его опередилъ,
То ужъ заранѣе на дерево вскочилъ;
Гдѣ старецъ золото запряталъ, подмѣчаю;
И только онъ ушелъ, я съ дерева слѣзаю
И достаю горшокъ, что златомъ начиненъ.
Уходитъ тутъ старикъ; меня не видитъ онъ,
Затѣмъ что по пути пустился я другому.
Но вотъ онъ самъ! Пойду припрятать это къ дому.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Эвкліонъ.

Отчаяніе Эвкліона, замѣтившаго кражу Стробила и исчезновеніе горшка.

Пропалъ! Погибъ! Убитъ! Держи, держи! Кого?—
Не знаю, слѣпъ иду, куда и для чего,
Кто я, не разберу. Молю васъ, помогите
Совѣтомъ, и того, кто выкралъ, укажите.

Чего смѣетесь? Я всѣхъ знаю васъ: сидитъ
Здѣсь въ бѣломъ платьѣ воръ, храня почтенный видъ. [127])
Что ты сказалъ? Лицемъ довѣрье ты внушаешь.
У васъ то нѣтъ его?—Убилъ! Кто жь взялъ? Не знаешь?
Увы мнѣ, бѣдному! Погибъ я! Удрученъ!
Мнѣ этотъ день бѣду несетъ со всѣхъ сторонъ,
И голодъ, и суму. О, я пропалъ ужасно!
Что жить, коль золото утратилъ, что всечасно
Стерегъ? Своей душѣ и генію я самъ
Устроилъ ковъ. Теперь другой моимъ бѣдамъ
И разоренью радъ. Напасть со свѣту гонитъ!

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Ликонидъ и Эвкліонъ.

Ликонидъ признается Эвкліону въ своемъ виновномъ поведеніи и проситъ у него дочь для законнаго брака. Эвкліонъ съ первыхъ словъ молодаго человѣка, не давши ему времени объясниться, полагаетъ, что дѣло идетъ о похищенномъ кладѣ, и смѣшной гнѣвъ его, такъ же какъ и отвѣты Ликонида, производятъ самыя забавныя сцены.

Ликонидъ.

Какой тутъ человѣкъ предъ нашимъ домомъ стонетъ?
Знать Эвкліонъ. Бѣда! раскрыто все вполнѣ!
Что дѣлать? Убѣжать, иль здѣсь остаться мнѣ?

127) *Въ бѣломъ платьѣ воръ.* Бѣлая тога была принадлежностью чиновныхъ и знатныхъ людей, занимающихъ ближайшія къ сценѣ скамьи.

Эвклiонъ.

Кто говоритъ здѣсь?

Ликонидъ.

Я бѣднякъ.

Эвклiонъ.

Вотъ я разстроенъ
Приливомъ всяческихъ несчастiй.

Ликонидъ.

Будь покоенъ!

Эвклiонъ.

Какъ? мнѣ покойнымъ быть?

Ликонидъ.

Вѣдь зло, что испыталъ
Ты, въ немъ виновенъ я и каюсь.

Эвклiонъ.

Ты сказалъ?

Ликонидъ.

Всю правду.

Эвклiонъ.

Юноша, чѣмъ такъ я провинился,
Чтобы съ дѣтьми меня ты погубить рѣшился?

Ликонидъ

Богъ побудилъ меня къ тому!

Эвклiонъ.

Какимъ путемъ?

Ликонидъ.

Прости! я согрѣшилъ, теперь я каюсь въ томъ.
Вотъ я пришелъ просить прощающаго слова.

Эвклiонъ.

Какъ ты осмѣлился коснуться до чужаго?

Ликонидъ.

Какъ быть? Что сдѣлано, того не воротить.
Хотѣли боги такъ, не то бъ тому не быть.

Эвклiонъ.

Хотѣли боги тожъ, чтобъ я тебя повѣсилъ.

Ликонидъ.

Ахъ нѣтъ!

Эвклiонъ.

Чтожъ надъ моимъ ты не спросясь чудесилъ?

Ликонидъ.

Любовью и виномъ былъ увлеченъ.

Эвклiонъ.

Нахалъ!
Съ такою рѣчiю ты безъ стыда предсталъ!
Вѣдь если извинять, въ чемъ сознаешься ты то,
То съ женщинъ золото мы будемъ рвать открыто;
А если схватятъ насъ, мы станемъ говорить,
Что страсть и хмѣль виной. Вину и хмѣлю быть
Въ презрѣньи, коль твори, что вздумаетъ влюбленный.

Ликонидъ.

Вѣдь я же здѣсь винюсь, безумствомъ увлеченный.

Эвклiонъ.

Я не люблю того, кто правъ, надѣлавъ бѣдъ.
Ты зналъ, что не твое, и трогать бы не слѣдъ.

Ликонидъ.

Дерзнувши тронуть, я готовъ со рвеньемъ вящимъ
Имъ завладѣть совсѣмъ.

Эвклiонъ.

Какъ? мнѣ принадлежащимъ?

Ликонидъ.

Молю о томъ, чему мнѣ слѣдъ принадлежать.
И самъ ты, Эвклiонъ, такъ станешь понимать.

Эвклiонъ

Тебя я къ претору при жалобѣ спроважу,
Коль не отдашь.

Ликонидъ.

Да что?

Эвклiонъ.

Верни свою покражу.

Ликонидъ.

Покражу? Да чего? Откуда?

Эвклiонъ.

Накажи
Тебя Зевесъ, какъ ты не знаешь.

Ликонидъ.

Ты скажи.

Эвкліонъ.

Горшокъ мой съ золотомъ верни. Вѣдь ты признался,
Что снесъ его.

Ликонидъ.

Не бралъ, не говорилъ.

Эвкліонъ.

Заклялся?

Ликонидъ.

О златѣ и горшкѣ, клянусь, я не слыхалъ.

Эвкліонъ.

Отдай, что ты въ лѣсу Сильвана то укралъ!
Ступай и принеси! Подѣлимся безъ спора.
Хоть ты и воръ мнѣ, все жь я не обижу вора.
Неси!

Ликонидъ.

Ты, Эвкліонъ, знать бредишь, что я воръ.
Съ тобой хотѣлъ другой завесть я разговоръ,
Коль время посудить о важномъ дѣлѣ вмѣстѣ.

Эвкліонъ.

По чести, золото не ты укралъ?

Ликонидъ.

По чести.

Эвкліонъ.

Не знаешь, кто укралъ?

Ликонидъ.

Ничуть.

Эвкліонъ.

А еслибъ зналъ,
Мнѣ бъ вора указалъ?

Ликонидъ.

Такъ точно.

Эвкліонъ.

И не взялъ
Частицы бъ для себя, кто бъ ни былъ воръ?

Ликонидъ.

Навѣрно.

Эвкліонъ.

А если лжешь?

Ликонидъ.

Зевесъ казни меня безмѣрно!

Эвкліонъ.

Довольно. Говори, что нужно.

Ликонидъ.

До сихъ поръ,
Коль ты не зналъ меня, мнѣ дядя Мегадоръ;
Отецъ былъ Антимахъ; зовусь я Ликонидомъ;
Эвномія мнѣ мать.

Эвкліонъ.

Такъ. Но съ какимъ ты видомъ
Ко мнѣ?

Ликонидъ.

Да у тебя есть дочь.

Эвкліонъ.

Вотъ тутъ въ дому.

Ликонидъ.

Просваталъ дядѣ ты ее, есть слухъ.

Эвкліонъ.

Ему.

Ликонидъ.

Онъ мнѣ велѣлъ снести къ тебѣ отказъ отъ слова

Эвкліонъ.

Отказъ? Когда уже для свадьбы все готово?
Всѣ боги, сколько есть, погубятъ пусть его.
Что золота бѣднякъ извелъ я на него!

Ликонидъ.

Ты лучше въ добрый часъ скажи: послали бъ боги!

Эвкліонъ.

Послали бъ боги!

Ликонидъ.

Мнѣ бъ послали безъ тревоги!
Кто, чувствуя вину, какъ малъ бы ни былъ онъ,
Не ищетъ снять стыда? И вотъ ты, Эвкліонъ,
Въ чемъ предъ тобою я и дочерью твоею
Виновенъ, мнѣ прости, и дай ей быть моею
Законною женой. Предъ ней я виноватъ;
И дядя сватовство беретъ свое назадъ.
Войди, узнай-ка, такъ ли я сказалъ.

Эвкліонъ.

Вполнѣ я
Пропалъ: за бѣдствіемъ бѣда еще сильнѣе.
Войду, узнаю какъ и что.

Ликонидъ.

Я за тобой.
Спасенья пристань, знать, уже передо мной.
Раба Стробила здѣсь ищу и не найду я.
Немного обожду и вслѣдъ за тѣмъ войду я;
Про дѣло той порой узнаетъ онъ мое
У мамки дочери: старуха знаетъ все.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Стробилъ и Ликонидъ.

Стробилъ объясняетъ Ликониду, что онъ укралъ кладъ у Эвкліона. Ликонидъ хочетъ его принудить возвратитъ оный.

Стробилъ.

О боги! мѣры нѣтъ блаженству при удачѣ!
Горшокъ съ червонцами! Ну кто жь меня богаче?
Въ Аѳинахъ, средь людей кто небомъ взысканъ такъ?

Ликонидъ.

Здѣсь кто то, кажется, проговорилъ?

Стробилъ.

Никакъ

Мой господинъ?

Ликонидъ.

Раба Стробила, знать, я вижу?

Стробилъ.

Онъ.

Ликонидъ.

Не другой.

Стробилъ.

Пойду къ нему.

Ликонидъ.

Стопы приближу.

Могъ у старухи онъ у няньки побывать.

Стробилъ.

Или ему про кладъ свой найденный сказать?
И вольной попросить? Начну разсказы эти.
Нашелъ...

Ликонидъ.

Что ты нашелъ?

Стробилъ.

Никакъ не то, что дѣти
Въ бобахъ находятъ.

Ликонидъ.

Ты вновь шуточки повелъ.

Стробилъ.

Постой и выслушай.

Ликонидъ.

Ну?

Стробилъ.

Нынче я нашелъ
Кладъ.

Ликонидъ.

Гдѣ?

Стробилъ.

Горшокъ, и въ немъ что злата припасёно.

Ликонидъ.

Ужель?

Стробилъ.

У старика укралъ я Эвкліона.

Ликонидъ.

Гдѣ золото?

Стробилъ.

Въ ларѣ моемъ: теперь ты дай
Мнѣ вольную.

Ликонидъ.

Тебѣ, сугубый негодяй?

Стробилъ

Теперь узналъ тебя. Испытки не плохія!
Ты явно радъ отнять Что жь было бы—найди я?

Ликонидъ.

Безъ шутокъ! Кладъ отдай!

Стробилъ.

Я долженъ кладъ отдать?

Ликонидъ.

Отдай, я говорю,—вернуть тому.

Стробилъ.

Гдѣ жь взять?

Ликонидъ.

Въ ларѣ, — ты самъ сказалъ.

Стробилъ.

Шучу я такъ порою.

Ликонидъ.

Ты знаешь?

Стробилъ.

Хоть убей, а все же не открою.

. . . . *)

Чего не находилъ.

Ликонидъ.

А все же выдашь, плутъ,
Желаешь или нѣтъ, какъ ноги то скуютъ.
Чего же медлю я, чтобъ разомъ устремиться,
И гнусному въ лице прямехонько вцѣпиться,
Чтобъ въ пятки у него душа ушла какъ разъ.
Отдашь иль нѣтъ?

Стробилъ.

Отдамъ.

Ликонидъ.

Не стану ждать, — сейчасъ.

---

*) Оригинальный конецъ комедіи Плавта, начиная съ 22-го стиха пятаго акта, потерянъ. Чтобы сдѣлать его возможнымъ для сценическаго представленія въ русскомъ переводѣ, мы воспользовались концемъ, присочиненнымъ къ Плавтову Горшку итальянскимъ грамматикомъ XV вѣка *Codrus Urceus*, отступивши отъ него только въ томъ, что не заставляемъ Эвкліона, измѣняя природѣ скупца, отдавать горшокъ въ приданое за дочерью.

Стробилъ.

Даю, но духъ дозволь перевести свободно.
Ахъ, что же мнѣ отдать?

Ликонидъ.

Не знаешь ты, негодный?
Иль въ золотомъ горшкѣ запрешься, хоть сказалъ
Сейчасъ же мнѣ ты самъ, что ты его укралъ?
Гей! гдѣ же палачи?

Стробилъ.

Будь, господинъ, добрѣе.
Дай мнѣ сказать

Ликонидъ.

Не дамъ. Гей! палачи живѣе!
Гей!

Палачъ.

Что прикажешь ты?

Ликонидъ.

Сейчасъ готовь цѣпей!

Стробилъ.

Ты прежде выслушай! Сковать меня позднѣй
Велишь, какъ вздумаешь.

Ликонидъ.

Скорѣй! Ну что ты скажешь?

Стробилъ.

Хоть до смерти меня замучить ты прикажешь,
Что жь выйдетъ? Вопервыхъ, лишишься ты раба,

Затѣмъ желаннаго достигнуть не судьба.
А если сладостной свободы воздаяньемъ
Меня подкупишь ты, то цѣль своимъ желаньямъ
Ты разомъ обрѣтешь. Природа всѣхъ родитъ
Свободными. Всякъ быть свободнымъ норовитъ,
И рабство всякихъ золъ ужаснѣй: ненавидитъ
Того Зевесъ, кого неволей онъ обидитъ

Ликонидъ.

Не глупо говоришь.

Стробилъ.

Прослушай до конца:
Въ нашъ вѣкъ, лишь оглянись, увидишь ты скупца.
Ихъ Гарпагонами и Танталами стало
Обычно называть,—въ богатствѣ все имъ мало.
Средь Океана ихъ все жаждою томитъ.
Богатство Мидіи еще не насытитъ
Ихъ голода; ни Крезъ, ни Персъ имъ не поможетъ,
Ихъ адской алчности ничто унять не можетъ.
Неправду господа творятъ своимъ рабамъ,
Неправду и рабы готовятъ господамъ,
Никто не дѣлаетъ, что дѣлать подобаетъ.
Лари и закрома въ амбарахъ запираетъ
Старикъ разсчетливый на тысячи ключей
Что трудно отпереть и для родныхъ дѣтей,
Проворные рабы пролазы отпираютъ
Да изъ-за тысячи ключей себѣ вскрываютъ
И блюдолизствуютъ, какъ унесутъ тайкомъ;

Тутъ, хоть ты ихъ казни, не повинятся въ томъ.
За рабство злые такъ рабы свое отмщаютъ,
Глумяся и смѣясь. По мнѣ, уготовляютъ
Всечасной милостью лишь преданныхъ рабовъ.

Ликонидъ.

Ты правъ, но обѣщалъ не тратить лишнихъ словъ.
И если вольную получишь несомнѣнно,
Отдашь ли, что прошу?

Стробилъ

Отдамъ, но непремѣнно
Хочу свидѣтелей: тебѣ не вѣрю я.

Ликонидъ.

Отлично,— хоть бы сто, коль это мысль твоя.

Стробилъ.

Прошу, Эвномія и Мегадоръ, войдите,
Какъ только кончимъ мы, немедля приступите.

Мегадоръ.

Кто звалъ насъ? Ликонидъ?

Эвномія.

Чего зовешь ты насъ,
Стробилъ?

Ликонидъ.

Два слова.

Мегадоръ.

Что?

Стробилъ.

Да вотъ, зову я васъ
Въ свидѣтели. Когда горшокъ я полный злата
Сдамъ Ликониду тутъ, меня въ ту жь пору свято
Отпуститъ онъ и дастъ свободу мнѣ вполнѣ
Ты такъ ли обѣщалъ?

Ликонидъ.

Такъ

Стробилъ.

Слышали, что мнѣ
Сказалъ онъ?

Мегадоръ.

Слышали

Стробилъ.

Зевесомъ поклянися.

Ликонидъ.

Какія трудности въ чужой бѣдѣ нашлися!
Навязчивъ больно ты. Но будь, какъ ты просилъ.

Стробилъ.

Ахъ, вѣрности нашъ вѣкъ немного проявилъ:
Готовятъ записи; свидѣтелей скликаютъ,
Писцы и самый день, и мѣсто означаютъ.
Но явится болтунъ и все тутъ разнесетъ.

Ликонидъ.

Кончай же поскорѣй!

Стробилъ.

Возьми-ка камень вотъ!

Ликонидъ.

Пускай меня Зевесъ, коль обмануть желаю,
Изъ жизни выкинетъ, какъ камень я бросаю.
Доволенъ ли?

Стробилъ.

Вполнѣ. Бѣгу доставить кладъ.

Ликонидъ.

Несись же какъ Пегасъ и вмигъ вернись назадъ.

Ликонидъ, Стробилъ, Мегадоръ, Эвномія,
Эвкліонъ.

Ликонидъ.

Не въ радость никому болтливая скотина,
Слуга, что хочетъ знать все лучше господина.
Пускай съ свободой бы своей пропалъ Стробилъ,
Лишь мнѣ бы съ золотомъ горшокъ онъ притащилъ:
Тогда бы осушилъ я слезы Эвкліону
И дочь его себѣ присвоилъ по закону.
Но съ ношею, кажись, идетъ Стробилъ; никакъ
Онъ мнѣ несетъ горшокъ? Я вижу: точно такъ.

Стробилъ.

Вотъ, Ликонидъ, несу тебѣ, какъ обѣщался,
Горшокъ съ червонцами. Вѣдь я не задержался?

Ликонидъ.

Нѣтъ! о безсмертные, какъ этотъ видъ хорошъ!
Филипповъ не одну здѣсь тысячу найдешь.
Слѣдъ Эвкліона звать. О Эвкліонъ! Налетомъ
Несись.

Мегадоръ.

О Эвкліонъ! О Эвкліонъ!

Эвкліонъ.

Да что тамъ?

Ликонидъ.

Иди сюда! тебя спасаютъ божества:
Горшокъ у насъ.

Эвкліонъ.

У васъ? иль въ шутку тѣ слова?

Ликонидъ.

У насъ; я говорю. Лети сюда, какъ птица!

Эвкліонъ.

О всемогущій Зевсъ! О Ларъ родной! Царица
Юнона и Алкидъ, хранитель нашъ во всемъ!
Знать сжалилися вы надъ бѣднымъ старикомъ.
О дорогой горшокъ, къ тебѣ я припадаю
И, старецъ радостный, обнявъ тебя, лобзаю!
Объятій тысячи все будетъ мало намъ.
О сердце! О восторгъ! Конецъ моимъ слезамъ!

Ликонидъ.

Безденежье считалъ я худомъ несомнѣннымъ
И дѣтямъ, и мужамъ, и старикамъ почтеннымъ;
Но вижу я теперь, что хуже многократъ
Тому, кто золото копить излишне радъ.
Ахъ! лишь пропалъ горшокъ,—отъ этого урону
Какъ много выстрадать пришлося Эвкліону.

Эвкліонъ.

Кого благодарить? Боговъ ли, что людей
Творятъ столь добрыми, иль дорогихъ друзей?
Иль тѣхъ и этихъ вдругъ? Начну же съ воздаянья
Тебѣ, мой Ликонидъ, за всѣ благодѣянья;
И какъ умру, тебѣ горшокъ я откажу,
А дочерью своей теперь же награжу,—
Предъ Мегадоромъ вотъ и предъ его сестрою
Честной Эвноміей.

Ликонидъ.

Признателенъ душою
Тебѣ, желанный тесть, почтенный Эвкліонъ.

Эвкліонъ.

Тогда сочту, что ты съ судьбою примиренъ,
Когда ты и меня въ свое воспримешь лоно.

Ликонидъ.

Желаю, чтобъ мой домъ былъ домомъ Эвкліона.

Стробилъ.

А воли, господинъ, моей ты не забудь.

Ликонидъ.

Напомнилъ кстати ты: по праву вольнымъ будь,
Стробилъ, и прерванный иди готовить ужинъ.

Стробилъ.

Ахъ, зрители! какой скупой вамъ лучшій нуженъ,
Чѣмъ Эвкліонъ? И вы раздобрясь, какъ онъ самъ,
Коли понравилось, — похлопайте ужъ намъ!

Цѣна 1 руб.

2010513689